

*Эта книга посвящается
Кешини Найду, без которой
Ким Стоун и ее приключения
существовали бы только в моем
воображении. Моя вечная
сказочная крестная мама.*

ПРОЛОГ ■

Лучи позднего апрельского солнца отражались от иссиня-черной поверхности катафалка, который был слишком велик для этого гроба, несмотря на то что последний утонул в целом море издевательски ярких цветов.

Гроб был настолько мал, что от одного его вида становилось плохо. Он был абсолютно белым, с бронзовыми петлями, и понесли его на своих плечах четверо друга семьи, хотя достаточно было бы и одной пары рук.

По их лицам текли слезы — это были четверо грузных мужчин, каждую пятницу встречавшихся для дружеской попойки. Во время которой эти четверо настоящих мужика рыгали, портили воздух и восхищались способностью друг друга напиваться в хлам.

А сейчас они рыдали и даже не пытались этого скрывать. Это было допустимо, и никто не решился бы осуждать их за это.

Пока они идут по проходу к алтарю церкви, в ней царит гробовая тишина. Несмотря на слезы, горе и печаль, они очень сосредоточены. Гроб мал и легок для объединенных усилий четырех приятелей, встречавшихся на регбийном поле. Но кто захочет в такой момент споткнуться о край ковра или запутаться ногой в ручке сумки, которая по неосторожности торчит в проходе? Кто захочет уронить гроб? Кто захочет «прославиться» подобной неудачей? Кто захочет стать ге-

роем анекдота о результатах очередного пятничного загула?

А ведь я знаю, что чем сильнее ты что-то стискиваешь, чем больше не хочешь это уронить, тем легче оно выскальзывает из твоих рук.

Небольшой белый ящик провожают глазами все присутствующие в церкви. В подобном крохотном гробике есть что-то отталкивающее. Но отталкивающее всегда привлекает к себе повышенное внимание, понимаю я, глядя на то, как люди, стоящие в дальних углах помещения, выворачивают шеи. Им хочется своими глазами увидеть подобную нелепую несообразность. Проследить за этим кратчайшим и ужасным путешествием из жизни в смерть.

Где-то позади меня раздаются приглушенные всхлипывания, но большинство людей в церкви окаменели от ужаса.

Они переводят полные скорби взгляды с гроба на меня.

Я никак не реагирую на эти взгляды или выражение сочувствия на их лицах, которое они стараются сохранить как можно дольше, на тот случай, если я вдруг случайно посмотрю в их сторону, — так они хотят показать мне всю глубину своего горя. Мне не нужно их горе, и я не собираюсь делиться с ними своим.

Потому что мое мне помогает. Оно превратилось в живое, существующее помимо меня нечто, постоянно меняющее свой размер, цвет и форму. И оно уже больше не пригибает меня к земле, а всячески поддерживает меня. Оно словно воздух, которым я дышу. Оно существует во мне, как кислород, как что-то чистое и непорочное. А потом вдруг меняется и превращается во что-то другое, токсичное...

Присутствующие постепенно продвигаются за гробом по короткой тропинке, ведущей в тот угол кладбища, который сейчас украшен вымпелами, мягкими игрушками, фигурками ангелов и херувимов. Скорбящие

переговариваются у меня за спиной приглушенными голосами. Я знаю, что они ищут поддержку друг в друге. Их руки крепко переплетены, в то время как ноги делают неторопливые, уважительные шаги.

Возле могилы, которая по своим размерам больше напоминает лунку для посадки дерева или куста, но никак не место упокоения еще недавно живого существа, появляется священник. Пока гроб опускают в землю, он читает Библию.

Всхлипывания у меня за спиной превращаются в горестные завывания и вопли, которые уже невозможно сдержать и которые разносятся среди деревьев.

Вот и всё.

Гроб опущен в землю.

Я чувствую руки у себя на спине. Успокаивающие, поддерживающие. Кто-то касается меня лишь мельком, кто-то задерживает руку. Они хотят, чтобы их поддержку ощутили. Хотят разделить со мной горе, продемонстрировав таким образом собственную человечность.

Но мне на это наплевать.

Не из этого я черпаю свою силу.

И не из знания того, что всех нас ждет вечный покой.

Моя сила никак не связана с банальностями и клише этого мира, с этими публичными выражениями сочувствия, присылаемыми по почте открытками с соболезнованиями, цветами и телефонными звонками.

Силу мне дает ярость. Раскаленная добела ярость, которая сжигает все мое существо, наполняет каждое мгновение моего бытия.

Она — результат имеющегося у меня плана.

Результат того, что я знаю.

Знаю, что каждый виновный обязательно умрет.

■ ГЛАВА 1

Сестра закончила срезать гипс, и инспектор Ким Стоун смогла вздохнуть свободно. Все пять пальцев на ноге выглядели вполне нормально.

Наконец-то она чувствует, как свежий, прохладный воздух овеивает сухую кожу...

От удовольствия Ким громко вздохнула и, наклонившись вперед, почесала свою голень. То самое место, боль в котором сводила ее с ума последние шесть недель.

— Ну как, получше? — спросила сестра.

— Конечно, черт побери, — ответила Ким, с такой силой расчесывая ногу, что кожа заалела под ее ногтями.

И все-таки удовольствие, которое Стоун получала от этой процедуры, ничем не походило на то, о котором она мечтала в течение шести недель непрерывных мучений. Бывали ночи, когда Ким была на грани того, чтобы самой срезать этот чертов гипс и почесать ногу, но ее сдерживали мечты о том, какой кайф она испытает, когда все наконец будет позади. И вот теперь этот кайф закончился как-то слишком быстро...

Сестра протянула ей влажную салфетку, и Ким с благодарностью протерла кожу, которая все это время находилась под гипсом.

Затем подвинулась к краю кровати, а сестра меж тем отбросила в сторону ее гипс. Шесть недель давил на ее левую ногу день и ночь, и теперь, когда она от него освободилась, Ким показалось, что нога сейчас поднимется в воздух и полетит.

Успокаивающая рука опустилась на ее бедро.

— Не так быстро, инспектор. — По лицу сестры было понятно, что она знает что-то, что неведомо Ким. — Через несколько минут придет доктор Шах. Гипс мы сняли, но еще не все закончилось.

И она похлопала Ким по ноге, словно говорила с маленьким ребенком.

— Ну да. У меня в некоторых местах...

— А-а-а, миз¹ Стоун, — раздался голос доктора Шаха. — Вижу, что сегодня, как и всегда, вы у нас абсолютно спокойны...

— Док, я просто хочу вернуться...

— Грустно, когда тело отказывается подчиняться твоей воле, правда?

Услышав этот легкий, жизнерадостный тон, Ким прищурилась.

Доктор Шах посмотрел на нее сквозь очки так же, как смотрел на нее, когда Стоун привезли к нему сразу же после смерти ее коллеги².

Этот спокойный, мягкий голос смог погасить ее ярость, когда она рвалась встать с больничной койки и куда-то бежать. Куда — сама не знала. Все, что Ким помнила в тот момент, — это что ее коллега лежит весь переломанный на полу в колокольне, а ее насильно увезли в больницу.

Стоун взяла себя в руки и вернулась в настоящее. Доктор Шах положил руки ей на колени, словно хотел слегка придержать ее.

— Поднимите ногу, — сказал он, дотронувшись до ее левой ноги и задержав над ней руку.

Мозгу понадобилось несколько мгновений, чтобы отдал приказ мышцам, бездействовавшим несколько недель.

¹ Миз — госпожа...; нейтральное обращение к женщине в англоязычных странах. Ставится перед фамилией женщины — как замужней, так и незамужней.

² Здесь и далее: подробно об этих событиях рассказано в романе А. Марсонс «Мертвая ученица».

Нога поднялась и коснулась руки врача. На мгновение замерла — а потом напрягшаяся мышца верхней половины бедра опустила ее на постель.

— Теперь влево, — велел врач. — И вправо... Ваши мышцы ослаблены, и на их восстановление уйдет какое-то время. Пока же нога еще не оправилась. — Он вновь посмотрел на Ким сквозь свои очки.

Как будто она сама этого не знает... На молочно-белой коже были заметны следы, оставленные гипсовой повязкой. В том месте, где сломанная кость голени проткнула кожу, виднелся двухдюймовый шрам.

— Рентген показал, что кости срослись хорошо, однако... — начал было врач и замолчал.

«Это “однако” не предвещает ничего хорошего», — подумала Ким.

— ...вам необходимо беречь ногу. Она будет болеть, а мышцы ослабли без движения. Я хотел бы, чтобы вы посещали кабинет физиотерапии по утрам, трижды в...

— Док, вы же знаете, о чем я буду вас просить, — прервала его Ким.

— Вы должны понимать, что вашей ноге необходимы время и щадящие тренировки, чтобы окончательно восстановиться. То, что мы привели в порядок ваши кости, — лишь первый шаг...

— Доктор Шах... — не сдавалась Ким.

Перед лицом ее нетерпения он мог только драматически вздохнуть и кивнуть в сторону костылей, которые она прислонила к рулону бумажных полотенец, висевшему справа от двери.

— Я хочу, чтобы вы продолжали пользоваться ими до тех пор, пока не закончится пара первых сеансов физиотерапии.

— Док, — не успокоилась Ким.

— Если вы не будете перенапрягаться и, по возможности, будете проводить время в офисе, сидя за письменным столом, то я согласен на то, чтобы вы вернулись к работе.

Ким перекинула свою правую ногу через край кровати и, напрягши бедренные и ягодичные мышцы, поставила левую рядом с ней.

— То есть вы официально выписываете меня, так?

Он осторожно кивнул, как будто это было решение, о котором один из них должен будет рано или поздно пожалеть.

Ким сползла с кровати и предупредительным жестом поднятой руки остановила доктора Шаха и медсестру, которые хотели ей помочь.

Затем поставила правую ногу на пол. За ней последовала нога левая.

Боль пронизала ее от голени до бедра.

Ким покачнулась.

Доктор протянул руку, чтобы подхватить ее, но она покачала головой и вновь села.

И вновь попыталась встать, не обращая внимания на ощущение невесомости, из-за которого ей казалось, что ее нога сейчас взлетит сама по себе, словно в каком-то сценическом фокусе.

Ким осознавала, что ее нога провела шесть недель закованной в безопасный гипс, но это ощущение неустойчивости действовало ей на нервы.

Собравшись с силами, она сделала шаг вперед.

Боль осталась, но была уже не такой пронизывающей и неожиданной, как в первый раз. Не обращая внимания на капли пота, выступившие на лбу, Ким сделала еще один шаг.

Отступив, доктор Шах внимательно следил за ее движениями.

Еще один шаг. В направлении двери.

— Не пытайтесь ускорить выздоровление, — сказал врач после следующего шага.

Сжав дверную ручку, Ким поблагодарила его.

Он взглядом показал, что услышал ее. Стоун закрыла за собой дверь, так и не притронувшись к костылям, и медленно двигалась по больничному коридору. Она

успела забыть, как далеко отсюда главный вход. Ведь все это время Ким передвигалась по больнице с помощью двух вспомогательных ног.

По дороге к лифтам она насчитала десять шагов. С каждым шагом ее движения становились все более естественными, словно к ней возвращалась память, однако все эти усилия заставили ее почувствовать тошноту.

На мгновение она прислонилась к стене, чтобы отдохнуть, расстроенная тем, что ее мышцы еще не до конца проснулись.

— Вам помочь, мисс? — спросил волонтер в футболке красного цвета. На значке было написано, что его зовут Терри.

Ким покачала головой, а юноша открыл дверь справа от нее.

— Здесь есть стул, — сказал он, указывая на небольшой закуток. — Присядьте. У вас такой вид, будто вы сейчас потеряете сознание.

— Спасибо, но со мной всё в порядке, — поблагодарила его Ким и двинулась в сторону главного входа, подальше от его любезностей.

Подойдя к раздвижным дверям, она увидела за ними вызванное заранее такси.

Двигалась Стоун все еще недостаточно быстро. Но пора было возвращаться к работе и команде. И хотя команда уже никогда не будет такой, какой была, все равно Ким слишком долго отсутствовала.

ГЛАВА 2 ■

Доктор Гордон Корделл подъехал к многоквартирному дому, не переставая удивляться тому, как быстро все меняется в этой жизни.

Да что там, вся его жизнь полностью изменилась за те шесть недель, что шло расследование смерти Сэди Винтерс в его старой школе, академии Хиткрест. Ведь при этом расследовались все аспекты работы этого элитного учебного заведения для богатых и привилегированных детишек Черной Страны¹. И это же расследование показало, что он сделал нелегальный аборт шестнадцатилетней сестре Сэди...

Хотя выбора у него не было. Когда отец девочки все ему рассказал и выяснилось, что она переходила по крайней мере три недели по сравнению с разрешенным сроком в двадцать четыре недели, ему пришлось заручиться обязательным согласием еще одного врача, в соответствии с требованиями Закона об абортах, и после этого все-таки провести прерывание беременности.

Слава богу, что он не сохранил об этом никаких записей, а оставшиеся в живых члены семьи Винтерс не кричали об этом на каждом углу. Но эта сука-детектив

¹ Черная Страна — территория в Западном Мидленде (Уэст-Мидлендс), к северу и западу от Бирмингема; во времена индустриальной революции считалась наиболее развитой в индустриальном плане частью Англии.